

В Л А Д И М И Р Г А Н Д Е Л Ь С М А Н
(р. 1948)

2

х х х →

Горячий коровник, гремучие цепи на шеях,
Предчувствие гибели, ^{эпос} приснившийся стаду,
Пульсирует что-то, пульсирует воздух в крушениях
Огней запыленных и, плавно подвластное спаду,
Уходит в солому, но тянется повествованье
Тягучей слюною горячею, но не о нас ли
Шумит на отливе, на тяжести, на расставаньи
И крепнет опять, согревая дыханием ясли.

< 1980 >

3

х х х →

Как ты не любишь! Как зима черна,
Как нелюбовь твоя непредставима...
О все, чем жив - тобой, твоим, твоими,
На все твоя душа обречена.
Не дай любить кому-нибудь, как я,
Тебя, и вспоминать, как вспоминаю...
Как ты не любишь! Будто жизнь иная
Нам предстоит, любимая моя.

< 1980 >

4

х х х →

Эти срывы сознания в ночи,
эта мысль лилового льда,
запустившего в горло лучи...
никогда, ни за что, никогда,
ни за что, не пугайся, молчи!

Ты, замурясь от света, встаешь,
он слепит и тревожит с утра,
только нежная сонная дрожь,
только жизнь в тебе так разлита,
только замысел - трепетный сплошь...

< 1980 >

МИХАИЛ ГЕНДЕЛЕВ
(р. 1950)

х х х →

Всё равно, всё одно - ты изгой.
Не просись, примиришь. Ты - другой.

Не смуглее твой хлеб, не белей -
слезы слаще твои, дуралей.

Были игры твои - не чета!
А кругом обводилась черта.
И болело ангиной око.

Мама, мама } ... такое кино.

Мы тяжелой кровью больны.
Под ресницами ночи черны.

Слышишь? Льдины ломает река.
Не кричи.

... } Всё равно на своем на горбу
через жизнь переносишь судьбу,
переносишь по корочке льда -

уронить - не рискнешь никогда!

Всё равно. Только вдруг на ледке
пританцуй, оттанцуй налегке!

Там под тонкою кожицей льда....

Дуралей, ну куда ж ты, куда?!

Там под скользкою кожицей льда
всех, как ночь, принимает вода.

< ↑ 1976 ↓ >

х х х →

Туман относит ветер от реки.
Не лучше ли: как ветер от тумана
относит реку... - так мы далеки
от берегов своих - и странно
нам возвратиться в прошлое сейчас,
когда мы возвратились - у причала
я перевоплощаюсь в толмача:
свою любовь перевожу сначала -
туда, где только тени тростника
хрустят, ломая сути сочлененья,
где, как слова чужого языка,
разучиваются прикосновенья.
... Тот берег ближе - этот вдалеке,
и лодочкой отпущенной теченью -
рукою - прикасаешься к реке,
даря прикосновенье и прощенье
за то, что больше не вернуться нам,
и мы - уже из будущего - верим,
что скрежет дна по каменным волнам
нам означает - ближе - этот берег.

< 1976 >

РИД ГРАЧЕВ
(р./1935)

→ х х х

Собака я, собака,
ничей прибудный пес,
держу в прибудных лапах
прибудный мокрый нос.

Откуда прибудился?
Куда бреду, куда?
Наверное, родился
от блуда для блуда.

Блуждаю по задворкам,
по улицам брожу,
и рад бываю коркам,
когда их нахожу.

Лежу, хвостом махаю,
гляжу на сытых дам
и даже вслед не лаю
идушим поездам.

Пускай себе проходят,
пускай себе идут,
пускай себя находят,
пускай себя блюдут.

Блудливо улыбаюсь,
чтоб дали есть и пить,
и вовсе не стесняюсь
униженно просить.

Ведь я живой собака,
живой приبلудный пес,
у колбасы есть запах,
а у меня есть нос.

Я под ноги кидаясь,
под палку и под нож,
и если не китаец,
меня ты не убьешь.

Хоть я совсем приبلудный,
блуждаю и блужу,
по выходным и в будни,
и пользы не приношу.

Не лаю на прохожих,
не лаю на своих,
не лаю на хороших,
не лаю на плохих.

Гляжу на ваши шрамы,
глотаю слезный ком,
зализываю раны
шершавым языком.

1962

1. П. П. П.

КОНТРОЛЕРУ

Не спрашивай меня,
кто я таков,
не вороши свирепо
документы,
не лязгай инструментом -
я готов
сказать, что знаю
в некие моменты.

Кто я?
Никто.
Никто, ничто
и все:
вагонных рам
дрожанье,
рождение
сна
ребеночка,
рыданье
у скучного
дорожного окна.

Я состою
из этого стекла,
из этого же самого железа,
из скрипа
одинокого протеза,
из малых волн
огромного тепла.

И если бы не эти
галуны,
не этих светлых пуговок охрана,
ты сам бы вспомнил,
как мы все родны,
родством вины,
родством
открытой раны.

Как перед деревом
виновен стол,
перед горой
железо виновато,
перед осиною
виновен кол,
перед сырой землей
вина солдата.

Мы родственны с тобой.
В морской крови,
в такой же лимфе,
как у насекомых.
Но я храню
молекулы любви.
Молекулы любви
тебе знакомы?

Любовь - это такое
вещество,
способное
воспламенять предметы,
любовь - это такое
естество,
оно в тебе,
тебе
понятно это?

Открыть тебе?
Понять тебе -
тебя?

- Открытое,
оно пребудет в тайне.
Я тихо сторонюсь
небытия
и в этом поезде
случайно.

Как пуговицы твои
в глазах
рябят...
Я в поездах
безмолствую невнятно.
Что поезда?
Привозят никуда,
увозят
от себя,
тебе
понятно?..

< 1962 >

→ х х х

Среди растений,
стриженных в кружок,
среди прямых
и на ногах стоящих -
наклонное,
прозрачное,
дружок,
лишь ты еще
подобна настоящим.

Растения
предохраняют тут
от бесконечных повторений,
от преждевременных потуг,
от преждевременных рождений.

Я слышу крик
твоих наклонных рук,
я жду твоих
волшебных превращений...
Я падаю.
Я твой
наклонный друг.
Наклонный друг
наклонных ощущений.

< 1962 >

х х х

Как все прекрасно
у людей
от пальцев ног
до озарений узких!
... Неизлечимостью прекрасен
иудей,
неутомимостью прекрасен русский.

Неутомимостью
китаец озарен,
индус прекрасно неподвижен,
неумолимостью
германец одарен,
француз
небрежностью возвышен.

В невероятности
английский дух,
не объясним ничем американец,
неведеньем
прекрасен африканец,
не выбирает грек
одно из двух.
Непогрешимостью
прекрасен финн,
испанца украшает
неспокойность,

не утешает итальянский фильм,
не помогает сам себе японец.

Как все прекрасно у людей
от пальцев ног
до узких озарений,
от вечных льдов
до вечных испарений,
от осужденных до судей.

В несходстве лиц
неуловим их общий лик,
необходимо ясен:
он ненавистью
к . . . . . х) опасен,
прекрасен тем,
что неосуществим.

К 1962 X

х) В списке пропуск. /Ред./

Л Е С

Вот уже который миг
из своих грибниц
подо мною лезет гриб,
чтобы тут же сгнить.

Вот уже который час
оглушает лес
реактивный свистопляс -
паразит небес.

Вот уже который день
- сродницей кусту -
среди елок, прячась в тень,
медленно расту.

Вот уж несколько недель
деловит и рьян
надо мною ноет шмель -
паразит полян.

Спотыкаясь и кряктя,
уж который год
бродит малое дитя,
ягоду жует.

Вот уже который век
мается вдали
суетливый человек -
паразит земли.

1962

Не мешать!

x x x

Я всё не спал и плакал допоздна
за неимением самого простого:
не создает иллюзии простора
больничных стен слепая белизна.

X

Я все глаза об эти стены стер,
но не увидел солнца. Вот тогда-то
мой доктор в белом
        облаке халата
в палату вплыл со свитой медсестер.

Они впорхнули, излучая свет,
и сердце вдруг отозвалось тревожно...
"Вы - ангелы?" - спросил я осторожно.

Но промолчали ангелы в ответ.

1962

ГЕННАДИЙ ГРИГОРЬЕВ
(р. 1950)

ПАСХАЛЬНЫЙ ЗВОН

Бога нет.

→ Ну, что ж, и слава богу -
без него достаточно забьт.
Сея в сердце смутную тревогу,
над Землей пасхальный звон плывет.

Невзирая на погоду ветряную,
возвращаясь с поздних именин,
с головы снимает шляпу фетровую
в общем-то нормальный семьянин.

Бога нет.

→ Но так, на всякий случай,
позабыв про деньги и харчи,
затаи дыхание и слушай,
как пасхальный звон плывет в ночи.

Все сильней, все праведней, все выше
золотой звучащею стеной
движутся колокола,
КОЛЫША →
черный воздух над твоей страной.

Бога нет.

→ Ну что ж, я понимаю...
И - влюбленный в белый,
бедный свет, →
я глаза спокойно поднимаю
к небесам
→ которых тоже нет.

< 1975 >

х х х

Самоубийца прыгает с моста!

Раскинув руки в яростном полете,
спешит ему навстречу плоть от плоти -

самоубийца.

Только снизу - вверх!

А все = таки как пузырькам вослед
приятно всплыть.

Еще приятней - выплыть,
прийти домой и рюмку водки выпить,
заснуть и долго выплывать во сне.

Он выплывает и вновь взойдет на мост.
Разденется, поежится, помнется...
и отраженье тихо улыбнется,
готовое рвануться внизу - вверх!

< 1975 >

ЛЕВ ДАНОВСКИЙ
/ р. 1947 /

Не мешайте

х х х

Что с нами происходит? Нет, не так.
Творится что? Страдательным залогом
Жизнь выражена. Только ненароком
Листве шумящей выслушана в такт.

Прислушивайся к шелесту. О чем?
- Что мы вольны себя еще растратить.
Как хорошо, что нам уже не сладить
С немолкнущим над головой ручьем.

О, если бы мы жили наобум,
О завтрашнем труде не беспокоясь,
И эту жизнь не принимать за повесть,
Но понимать, как проходящий шум,

Осмелились... Но простодушный взгляд
Еще случаен, тороплив и редок.
И в глубине переплетенных веток
Скрывается невыслушанный лад.

/ 1978 /

самоубийца.

Только снизу - вверх!

А все = таки как пузырькам вослед
приятно всплыть.

Еще приятней - выплыть,
прийти домой и рюмку водки выпить,
заснуть и долго выплывать во сне.

Он выплывает и вновь взойдет на мост.
Разденется, пожится, помнется...
и отраженье тихо улыбнется,
готовое рвануться вниз - вверх!

< 1975 >

ЛЕВ ДА Н О В С К И Й
/ р. 1947 /

Не читай

х х х

Что с нами происходит? Нет, не так.
Творится что? Страдательным залогом
Жизнь выражена. Только ненароком
Листве шумящей выслушана в такт.

Прислушивайся к шелесту. О чем?
- Что мы вольны себя еще растратить.
Как хорошо, что нам уже не сладить
С немолкнувшим над головой ручьем.

О, если бы мы жили наобум,
О завтрашнем труде не беспокоясь,
И эту жизнь не принимать за повесть,
Но понимать, как проходящий шум,

Осмелились... Но простодушный взгляд
Еще случаен, тороплив и редок.
И в глубине переплетенных веток
Скрывается невыслушанный лад.

/ 1978 /

ВОЗВРАЩЕНИЕ ✓

Узнавая облупленный тамбур, заплыванный пол,
Фонарей узнавая слепящий во тьме ореол,

Узнавая шеренгу деревьев, крутой поворот,
На котором сначала отбросит, а после швырнет,

Узнавая вокзальный, в рябинах обломанных, сквер,
Наконец, узнавая воронежский этот размер, -

Я опять попадаю в привычный заверченный круг,
Где почти ничего не случается даром и вдруг,

Где наутро будильник, а в полночь - эфирная речь,
Где разошлись полы, чтобы время сумело истечь

Незаметно и быстро, как свойственно только ему,
Придвигая к лицу непонятно-размытую тьму,

Для которой подобрано столько неточных имен,
И которой я буду в назначенный срок возвращен.

/ 1978 /

АНАТОЛИЙ ДОМАШЕВ

(р. 1938) →

х х х

слово;

или А. В. Соловьеву

Островитянин я, островитянин,
вдоль замкнутого берега бегу,
и светит мне лицо твое в тумане
на противоположном берегу.

Я словно птица - пойман, окольцован
державных вод незнлемым кольцом.
Лицом твоим прошедшим околдован,
сегодняшним и завтрашним лицом.